

## Глава 11: Робин

Танцевать? Сейчас?

Стиль Си Лина настолько необычен, что удивляет.

В телефоне слышалось тихое и низкое пение бессмысленной песни. Голос Си Лина полновзвучный и чистый, как церковное песнопение.

Лу Сымин удивился его поставленному голосу, от этого одинокого пения возникало ощущение, будто он в театре.

Си Лин, с закрытыми глазами встав в золотом сиянии солнечного света, в окружении парящей пыли, медленно поднял руки и запел, танцуя в такт ритму.

— Дорогой Дунъюань, прелестный мой родной город,

Где светит солнце и ветер колышет пшеницу...

В соответствии тексту песни его пение было подобно солнечному свету и жизни. Не видя его, Лу Сымин по песни мог представить его танец, вероятно, переполненный счастьем, надеждой и энтузиазмом.

Произведение не имело жестких ограничений, оно основано на избыточных эмоциях и живости, благодаря пению Си Лина можно представить зеленое травянистое поле, медленно колышущееся под теплыми ветрами и солнцем.

По комнате разносилась мелодия гармонии, поддавшись влиянию Си Лина, Алексей молча закрыл глаза и с улыбкой на губах своими тонкими пальцами продолжил наигрывать. Благодаря пению, танцу и гармонии, маленькая комната стала похожа на грандиозный концерт.

Си Лин, целиком погруженный в музыку, не удержался от смеха, его бурлящие эмоции плескались во все стороны, искусно передавая природу. Будь он в толпе, определенно получил бы шквал оваций.

Мелодия ускорила и приобрела силу, а гармонь подхватила песню Си Лина.

— Дунъюань, Дунъюань, ты слышишь мой зов?

Весна, весна, я жду твоего прихода.

Прелестное пение подошло к концу, мелодичная гармонь замолкла, а танец Си Лина, с трудом смахнувшего со лба пот, прекратился. Из телефона, стоящего на громкой связи, раздались долгие аплодисменты.

Си Лин не сдержавшись, опустил голову и улыбнулся самому себе.

— Я хорошо танцую, генеральный инспектор.

— Хорошо, — Лу Сымин честно признался.

Жаль, что обещанный «их» танец не состоялся. Их разделял холодный экран телефона.

— Пока, — голос Си Лина слегка охрип. — После разговора с тобой я буду счастлив весь день.

Лу Сымин подумал: Пока, надеюсь, ты продолжишь с нетерпением ждать нашего разговора. Также, как песню, исполненную тобой, с нетерпением буду ждать я вновь.

Штрих, штрих, штрих...

Лу Сымин долгое время смотрел в пустоту, бессознательно постукивая костяшками пальцев по столу, Триста молча искала информацию, которую могла бы предоставить начальнику.

— Это обычная народная песня Дунъюаня, некоторые труднопроизносимые слова типичны для этого места. Несомненно, он жил в Дунъюане.

— Продолжай, — Лу Сымин с закрытыми глазами прислушивался.

— Пение профессиональное, полное эмоций и плавности, а сопровождение гармони такое по-хорошему старомодное. Можно сделать вывод, что он обучался в академии.

— Ученик-искусствовед, — Лу Сымин сдержано усмехнулся.

Довольно разумно, что артист стал убийцей.

— Я искала информацию о Дунъюане. Учеником школы-искусств можно стать только в одном месте, — она показала фотографию древнего, изящного архитектурного сооружения с вывеской на воротах: «Академия искусств Сяндань». — Школу уничтожили во время конфронтации, и много информации кануло в лету. Потребовалось много усилий, чтобы отыскать это.

Триста достала групповую фотографию учеников, одетых в темно-зеленую школьную форму

Академии Сяндань. В то время Си Лин был ниже ростом, чем ныне, с юношескими чертами лица и робкими глазами, какой-то жизнерадостный молодой человек крепко обнимал его за шею.

Лу Сымину хватило одного взгляда, дабы понять, что молодого человека сейчас нет подле Си Лина. На фотографии рядом с ним стоял общительный светлый мужчина, отличающийся от мрачного Алексея. И действительно, Лу Сымин нашел Алексея на другом конце группового фота, как и сейчас, он выглядел так, будто весь мир задолжал ему.

Ха-ха. Я думал, у тебя хорошие отношения с Си Лином.

— Это единственная фотография? — Поинтересовался Лу Сымин.

А как же досье? Или расписание? Си Лин, вероятно, изучал вокал.

— Школы больше нет, ничего не удалось сохранить, — Триста нахмурилась.

Лу Сымин ознакомился со стандартами приема в Академию искусств Сяндань и учениками возраста 14-15 лет, окончивших среднюю школу.

...Тогда Си Лин был подростком.

— Да, я не знаю, сколько ему сейчас лет. По документам класс на фотографии не закончил обучение, потому что Сянданьская академия исчезла.

— ...

— Он несовершеннолетний? — Триста немного вспотела.

— Нет, — отрицал Лу Сымин.

Он указал на дату уплаты за фотографию: пять лет назад, тогда Си Лину было меньше девятнадцати. После даты следовало имя: мисс Тянь.

— Иди и найди этого человека.

— Есть, — Триста с готовностью приняла задание.

Си Лин редко пел, но музыка не исчезла из его жизни. Каждый раз, приводя в норму голос и выдавливая из груди чудесные и разнообразные ноты, он ощущал слияние с музыкой. Иногда возникала иллюзия, словно в прошлой жизни он был нотой.

Спев песню, уставший и разбитый по кусочкам Си Лин упал на кровать и проспал до полуночи. Алексей отправился на пустырь отстреливать кроликов, его меткость настолько точна, что Си Лин не мог не восхититься его уровнем, которого он никогда не достигнет. Си Лин с удовольствием съел жаренного кролика и с самым невинным видом распластался на диване.

Ночью здесь так тихо. Си Лин довольный закрыл глаза.

Джед говорил, что такой человек, как Си Лин, подходит исключительно как приманка из-за красоты, а учил его он навыкам и развивал интеллект только ради самозащиты.

У Джеда красивые и одухотворенные глаза. Каждый раз при мысли о Джеде Си Лин дрожал от пронизывающего холода, пробирающего до костей.

Некий демон под шкурой ангела заманивал людишек к себе, его мягкость — нож, а язык — яд, даже сейчас его тень пугала обманутых им.

Джед — своего рода демон.

Си Лин впервые его встретил в шестнадцать.

В то время в Дунъюане только вспыхнула инфекция, все в панике хваталось за головы и бежали. Си Лин и спасающиеся бегством люди выбрали противоположные направления: он вышел из Академии искусств Сяндань и купил обратный билет в город Даче.

Он собирался остановиться в доме друга своего отца, дяди Се Тао, и его семья относилась к нему очень хорошо. Школа рухнула от сил восточной оппозиции, и Си Лин, Алексей и его брат разлучились, не в силах найти друг друга. Он считал, что, столкнувшись с такой бедой, они тут же вернуться домой, и они воссоединятся вновь в городе Даче.

Западная и восточная часть Дунъюаня сражались, и молодой и глупый Си Лин не понимал, ради чего люди бесконечно борются. К счастью, город Даче располагался на западе Дунъюаня, недалеко от Нолантона, где царил довольно стабильная жизнь.

Но чего он не ожидал, так это того, что эпицентром вспышки инфекционного заболевания станет Даче, который он всегда считал своим вторым домом. Что еще более неожиданно, так это то, что армия восточной оппозиции пробилась и перехватила поезд с учениками.

Слабые школьники столкнулись с жестокими военными, результат можно представить. Они избивали людей и обыскивали их вещи, не давали еду и в конце концов отправили на восток в качестве рабов.

Си Лин знал, как выжить в такой обстановке: в средней школе он часто сталкивался с жестоким обращением со стороны нескольких учеников в несколько раз сильнее него, теперь у

него богаты опыт выживания. Не поднимай голову; молчи; не говори ни слова; если бьют, не смотри в глаза.

Таким образом, Си Лин пострадал меньше, чем другие ученики той же школы. Постепенно уменьшая ощущение своего присутствия, он планировал сбежать, и ему это удалось, он бежал из кошмарного поезда снежной ночью. Си Лин бежал по льду и снегу, слезы превратились в ледяные сосульки, но он ощущал сильное счастье, обретая вновь свободу.

Он не понимал, что свобода не означает освобождение. После радости на смену пришло понимание, что холод и голод также способны убить его, и накопленный им опыт не поможет.

Зима в Дунъюане слишком холодна, некогда процветающий город Даче стал мертвым. Си Лин бродил три дня и три ночи, не видя ни души. Постепенно ему становилось все печальнее и печальнее, он лгал себе, возможно, дядя и тетя, Алексей и его брат покинули это место, ставшее адом. Ему оставалось думать только так. Он обычный шестнадцатилетний школьник приехал в Дунъюань в одиночку, у него нет никаких навыков, лишь бесполезные песни.

На четвертый день Си Лин, измученный голодом, вернулся обратно, распевая глупые песни и болтая сам с собой. Он надеялся, что люди в поезде спокойно упокоятся.

Си Лин думал о своих одноклассниках и печально хныкал, не в силах ничего сделать, кроме как вытереть слезы и помолиться за их души. Си Лин не забывал их, лица некоторых оставались четкими в его памяти, должно быть, из-за частых встреч в кампусе.

Си Лин тихонько подошел к окну поезда. Никого. Он разбил стекло заостренным на конце камнем и запрыгнул внутрь, как кролик. Тепло поезда сделало его живым.

Си Лин лихорадочно искал еду и воду. Он так нервничал, что медленно дышал, время от времени он оглядывался по сторонам, чувствуя доброту Бога за уведение всех демонов прочь. Си Лин задавался вопросом, все ли ушли?

В поезде царил тишина, слышался только вой холодного ветра. Собрав достаточно вещей, Си Лин уже собирался выпрыгнуть, когда по случайности столкнулся с несколькими людьми, идущими по рельсам.

— Почему здесь такая мелкотня? — Произнес оппозиционер. Си Лин запаниковал и не успел отреагировать.

Его поймали и затащили в вагон, полный учеников, которых еще не успели отправить на восток. Лидер оппозиции лично допрашивал Си Лина, держа своими грубыми руками его подбородок, отчего он скривился от боли.

— Я слышал, ты сбежал.

Си Лин не мог сдержать слез, страх не давал ему издать ни звука.

— Очень способный, — лидер вскинул подбородок, и огромная сила чуть не повалила Си Лина на землю. — Чему учишься?

— ...

— Цок, молчишь?

— Музыка, музыка.

— О, ученик-искусствовед, умеешь петь?

— ...умею.

— Такой красивый, жаль, что еще не дифференцировался, — лидер оглядел Си Лина.

— ...

— Как насчет того, чтобы спеть?

Си Лин покачал головой, сделав шаг назад. Лидер усмехнулся, после отказа на его грубом лице отразилось раздражение. Он выстрелил в толпу, ученики закричали, а некоторые и вовсе упали наземь.

Запах крови медленно распространился по вагону.

Си Лин очень испугался, но не посмел плакать.

— Спой, пожалуйста, спой, — одноклассники начали умолять его.

Си Лин выпрямился и с трудом выдал первые слова. Хриплый голос, слезы и запах крови распространялись по тесному вагону.

— На таком уровне ученики Сянданя? — Он выстрелил в толпу вновь.

Пока Си Лин трясся, его слабый голос вдруг повысился, и он медленно запел прекрасную песню. Несколько оппонентов были заморожены им.

— Какое прекрасное пение, — сказали они. — Отныне ты будешь приходить к нам каждый день и петь, понял?

Си Лин с залитыми слезами лицом в оцепенении кивнул.

Десять дней, пятнадцать дней или больше? Си Лин не мог вспомнить.

Они заставляли Си Лина, как куклу, петь каждый день, пока голос не охрип, а лицо не заливалось слезами. Всякий раз, проявляя сопротивление или выбирая не соответствующую их желанию песню, они стреляли в толпу.

Си Лин превратился в пустую оболочку без души.

Наконец, приехала машина, которая должна была отправить их на восток Дунъюаня, нескольких учеников запихнули в нее. Это стало последней каплей.

Си Лин вынужденно остался в машине лидера оппозиции со своими лучшими одноклассниками, не думая, что произойдет далее.

После длительных издевательств его одноклассники стали покорными, позволяя грязным рукам обхватить себя за талию. При виде этого глаза Си Лина загорелись праведным гневом, а кровь в жилах стала подобна магме.

Почему, черт возьми, почему с ними так обращаются, что они сделали не так? Си Лин ударил лидера, который пытался коснуться его, со всей силы кулаком по лицу.

В уголке губ противника стекала кровь, а в глазах отражалось недоверие.

— Интересно...

Си Лин думал: Ну же, стреляй, убей меня.

Противник схватил его за руку, и Си Лин, недооценивший разницу в силе, не смог вырваться даже после отчаянной борьбы. Он укусил его, защищаясь, животные защитные инстинкты вырвались наружу. Тыльная сторона ладони лидера была искусана до крови, отчего тот пришел в ярость и вытащил пистолет.

Бах!

Си Лин подсознательно увернулся, но он так и не ощутил боли. Он открыл глаза и увидел медленно падающего лидера оппозиции с огромной дырой в затылке, стекло оказалось

разбито, а стрелявший стоял снаружи.

Раздалось еще несколько выстрелов, и оставшиеся члены оппозиции оказались убиты выстрелами в голову от неизвестного.

Дверца машины открылась, и появился высокий и красивый мужчина. Си Лин обратил внимание на его редкие серебристо-белые волосы и пару одухотворенных фиалковых глаз.

Все кончено?

Си Лин выдохнул, вжался в сиденье машины, обхватил колени и сжался в комочек, неудержимо дрожа. Мужчина долгое время молча смотрел на него, после чего коснулся его головы правой рукой в толстых перчатках.

Это успокаивающее движение как бы говорило: не бойся, все в порядке.

— Меня зовут Джед Робин, — произнес мужчина своим невероятно мягким голосом. — Ты можешь звать меня Джед.

— ...

— Ты сопротивлялся, хороший мальчик, — он обнял Си Лина, медленно поглаживая его дрожащие плечи. — Ты поступил правильно, никогда не позволяй плохим людям пользоваться тобой.

От шеи Джеда исходил приятный феромон, такой слабый и умиротворяющий, чем-то напоминая запах ириса. Си Лин никогда в жизни не видел радужную оболочку глаз, но подсознательно думал, что именно такая у глаз Джеда.

Си Лин долго печалился, Джед оберегал его, время от времени похлопывая по плечу. После зачистки от оппозиции они отпустили схваченных учеников.

Наивный Си Лин думал, что они здесь для спасения людей.

— Уже лучше?

Это нормально, что после долгого молчания, услышав такой нежный голос, Си Лин не смог сдержать слез.

— Я никогда, никогда больше не буду петь, — вспоминая произошедшее, он полный обид вздрогнул и произнес.

Никогда не петь. Никогда не петь.

Джед вздохнул и попросил кого-то принести стакан горячего молока и кусок хлеба. Этим же вечером они отвезли Си Лина в город Даче. Джед рассказал Си Лину, что он из Нолантона и человек «Возрождения», другие зовут его «Мусорщик».

— Потому что я помогаю людям справиться с последствиями, — полушутя произнес Джед, и Си Лин тут же подумал об убитых им противниках.

В городе Даче их ожидал старик с огромным животом, который, судя по всему, как и Джед, был боссом. Джед перекинулся со стариком парой слов, повернул голову и пристально оглядел Си Лина, выглядывающего из окна машины и беспомощно улыбающегося. В ту ночь Джед ушел, и остальные отвели Си Лина к злобному старику, просящему его отдать «бухгалтерскую книгу».

Си Лин был сбит с толку.

— Бухгалтерская книга, украденная твоим отцом, — старик уставился на него, — очень дорогая вещь нашей компании. Он украл ее у других, и должен вернуть.

Си Лин некоторое время размышлял, хотя его отец не был хорошим человеком, вряд ли совершил бы такое.

— Мой отец не вор.

— Мне все равно, скажи мне, ты видел эту бухгалтерскую книгу? Вы с отцом встречались на летних каникулах, верно? Тогда, должно быть, он отдал ее тебе, — старик в гневе тряс кулаком.

— Я не знаю.

Он проживал в доме дяди Се Тао и ездил домой лишь два раза в год, и даже возвращаясь, не мог сказать и нескольких слов своему равнодушному отцу.

— Ребенок отказывается объясняться, ты должен вытянуть из него информацию любым другим способом, — со злостью в глазах старик холодно приказал.

Они заперли Си Лина в гараже, сначала не давали еду, затем вытаскивали каждые несколько часов, запугивали и не давали спать, если он отказывался говорить. Они пытали Си Лина, вводя в транс.

Позже они потеряли терпение, и методы допроса стали жестче и примитивнее — удары кулаком или пинки. Когда Джед вернулся, Си Лин почти не мог дышать.

— Ты поймал не того человека? Этот вонючий мальчишка отказывается что-либо говорить, Джед, бывают моменты, когда ты не надежен, — в ярости произнес старик.

Джед посмотрел на Си Лина.

— Этот парень упрям, если будешь избивать его из мести, то не услышишь и слова от него.

Си Лин, лежавший на земле, сжал пальцы, и его ногти впились в грязь и пыль.

— Тогда что с ним делать!

— Выбрось, — Джед несколько секунд помолчал и улыбнулся.

Все они считали, что Си Лин не переживет сегодняшнюю ночь. Они вдвоем завернули окровавленное тело Си Лина в ткань, доставшую не пойми откуда, и бросили его в снег.

Си Лин чувствовал, как умирает. Прежде чем потерять сознание, он слышал завывание двигателя и видел, как короткие ноги сердитого старика ступили в машину.

Посреди ночи его разбудил шум, и он слабо шевельнул пальцами.

— Эй, ребенок еще дышит, — человек, разбудивший его, удивленно воскликнул.

— Правда? — Джед спросил.

Вскоре Си Лин почувствовал, как его приподняли и вернули обратно. Джед положил руку ему на лоб, прощупывая пульс.

— Найди врача.

— А? Но наши люди только что ушли...

— Если он умрет, местонахождение бухгалтерской книги останется неизвестным, — Джед бросил взгляд на своих подчиненных. — Возьмете на себя ответственность?

Все замолчали и не произносили ни слова.

Врач напоил Си Лина жидкой пищей, и его тут же вырвало. Джед вздохнул и мягко махнул доктору рукой. Дверь закрылась, и в комнате они остались вдвоем.

— Можешь двигаться? — Спросил его Джед. Си Лин не издал ни звука. Джед приподнял его и сам взял миску и ложку, пытаясь покормить его.

— Упрямство — это хорошо, — прошептал Джед на ухо. — Но, если продолжишь упрямяться, будешь страдать.

— ...

— Жизнь — самое главное, только когда живешь, есть надежда, — Джед расчесал его спутанные волосы и тихо произнес.

— Я не знаю, что за бухгалтерская книга.

— ...

— Где мой отец?

Джед покачал головой.

— Ты дьявол, — Си Лин оттолкнул его руку, уставившись на него. Джед не стал отрицать, его фиолетовые глаза слегка опустились.

Си Лин вдруг потерял дар речи.

— Ты хочешь присоединиться к нам? — Внезапно спросил Джед перед уходом.

— Я хочу домой, — Си Лин перевернулся на другой бок. Джед многозначительно улыбнулся и осторожно прикрыл дверь.

Си Лин не знал, что он больше никогда не сможет вернуться домой.

На следующий день люди «Возрождения» пришли вновь и устроили ему привычный уже допрос, все те же методы, все та же жестокость. Си Лин был ранен серьезнее, чем в прошлый раз.

Джед вновь вызвал врача. Он не появлялся, когда Си Лина избивали, его приход всегда означал лечение травм. Тело Си Лина медленно восстанавливалось, но душа постепенно погружалась во тьму и отчаяние.

Он предпочел бы не ждать, в любом случае, позже его вновь жестоко избьют, сильнее, чем когда-либо.

...

Неизвестно, сколько раз ему проводили допрос, но Си Лин снова оказался на грани смерти. Его заперли в темном и узком подвале, и на этот раз рядом не оказалось врача. Даже сам Си Лин чувствовал, как они устали повторять эту изматывающую бесполезную работу и решили избавиться от него.

Си Лин глядел на черную крышу, он никогда не думал, что его короткая жизнь вот-вот закончится здесь. Когда он выходил из школы, в Дунъюане царил хаос, но он еще был уверен в себе. Все закончится здесь...

Дверь открылась, и Си Лин почувствовал слабый аромат цветов ирисов. За дверью ярко светил свет, и тень Джеда падала на него.

— «Возрождение» не принадлежит мне, и я не могу принимать решения по некоторым вопросам, — Дждед пристально посмотрел на Си Лина, лежащего на земле, тихо продолжая. — Допрос проводится в соответствии с правилами.

— ...

Бедное дитя, почему ты меня не слушаешь? — Спросил Дждед.

Он протянул свою тонкую и бледную руку с небольшими мозолями на внутренней стороне пальцев к Си Лину. Лицо Джеда стояло против освещения, и чернота и свет равномерно распространились по его телу.

...

Си Лин изо всех сил старался поднять дрожащие пальцы и коснуться кончиков пальцев Джеда.

— Хороший мальчик, — Дждед мягко улыбнулся. Он осторожно, избегая травм, медленно поднял Си Лина и вышел из подвала.

Солнечный свет осветил лицо Си Лина, отчего становилось невероятно больно.

Атмосфера казалась совсем другой, все присутствующие из «Возрождения» смотрели на них с удивлением.

— Отныне он один из нас, — беспечно произнес Дждед.

Никто не посмел возразить ему.

По воспоминаниям Си Лина у Джеда, казалось, не было слабостей, словно он змея с хорошим характером и воспитанием. Однако, когда он злился, кто-то тихо умирал.

Какое-то время ходили слухи, что люди с белыми волосами в Нолантоне принадлежат к бывшей императорской семье. Конечно, Джек также стал объектом тайных обсуждений. И первому человеку, начавшему эти обсуждения, позже отрезали язык, а тело повисело на улицах Нолантона несколько дней.

— А ты? — Однажды провокационно спросил его Си Лин. Джек взял его прядь волос и, наклонившись, поцеловал ее.

— Не трать жизнь на такие тривиальные мелочи, только потому что это ты, я дам тебе шанс, хорошо? — Он говорил по-нолантонски довольно высокопарно и бегло, чуть ли не поэтично.

Он смеялся до смерти.

Си Лин подумывал: Если захочу убить тебя, не стану пачкать руки.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://bllate.org/book/14906/1326640>